

ВИНИТЕЛЬНЫЕ ФОРМЫ В ИМЕНИТЕЛЬНОМ ПО ДАННЫМ ТОПОНИМИКИ АРМЕНИИ

(К постановке вопроса)

П. М. МУРАДЯН

Изучение топонимики в лингвистическом аспекте может оказать значительную услугу не только при выяснении некоторых вопросов истории языка, но и вопросов историко-географического порядка. Из такого рода исследований в арменистике следует отметить работу акад. Гр. Капанцяна «Историко-лингвистическое значение топонимики древней Армении» (Ереван, 1940), хотя таких наблюдений немало и в других книгах ученого, и знаменитую работу проф. Г. Гюбшмана „Die altarmenischen Ortsnamen“ (Straßburg, 1904; имеется армянский перевод, которым и пользуемся ниже — «Հին հայոց տեղւոյ անուաները», Վիեննա, 1907)*. Но все-таки прав акад. Г. А. Ачарян, когда армянскую топонимику считает в данном разрезе недостаточно изученной. Объясняет же он это обстоятельство, наряду с другими факторами, отсутствием доселе полного словаря топонимических названий (Հ. Աճառյան, Հիշատակաբերականութիւն..., III, 517).

А. Айтыняном давно отмечено, что общность форм именительного и винительного падежей, так подчеркнута выступающая в новоармянском языке, образовалась еще при существовании классических норм древнеармянского языка. Им приводится большое количество примеров, взятых из древнеармянских первоисточников, доказывающих выступление форм винительного падежа в качестве именительного и наоборот (им. պատ < պահւ ым. պահք, տեախի ым. տեախք, а также ի վանք ճի ым. ի վանս ճի, ընդ... տիեզերք ым. ընդ... տիեզերս, զիրքն ым. զիրսն и т. д.). Начало такого явления А. Айтынян относит к дописьменному периоду, указывая на наличие таких фактов во фрагментах известных народных песен, зафиксированных в V веке. Он же высказывает предположение, что такое взаимоотражение падежей в письменность проникло под влиянием разговорного (паштх) языка (Ա. Այսրենյան, Քերականութիւն..., I, 77—78). Наличие указанных фактов констатировано и Р. А. Ачаряном (ук. соч., стр. 523—524), который также считает, что они восходят к древности, участились же в языке после V века.

Какую мы наблюдаем картину в данном аспекте в топонимике Армении, не может ли изучение этого лингвистического явления помочь установлению фактов иного порядка, — это основная цель предлагаемой работы. При разборе мы привлекли также материалы из грузинской действительности. Но до обсуждения обратимся к самим топонимиче-

* Переиздана в Амстердаме (1969).

ским названиям, в словарном порядке перечисляя каждое в отдельности, с указанием существующих форм, источников и литературы*.

Ագուլիս (Agulis) — им. *Աղուլիք*. По свидетельству Алишана (*Սիւսական, 325*), в одной грамоте (*Կոնդակ*) католикоса Саркиса (992—1019) имеем форму *Արղուլիք*, что находит поддержку у Стефана Орбеляна в виде *Արքուլիք* (*Պատմութիւն..., 310*). Независимо от этимологии, можно считать установленным, что древнейшей формой является *Արղուլիք* (*>Ագուլիք> Ագուլիս*). Гюбшман в данном вопросе солидарен с Алишаном (см. *Հին հայրոց..., 294*).

Ալափարս (Alapars) — им. *Ալաբերք*. Село в Котайкской области, откуда был родом католикос Мушэ (526—534). Асолик это село называет *Ալաբերդից*, т. е. *Ալաբերդ* (см. изд. 1885, стр. 81), Иоанн Драсханакертский же именует его *Ալաբերից* (var. *Ալաբերէից*), т. е. *Ալաբерք* (изд. 1912 г., стр. 63). Еще М. Смбалянц заметил (*Տեղագիր Գեղարքունի..., стр. 302*), что первоначально мы должны были иметь **Ալ-Աղրերից* или **Ալաբերից* (ср. Эприкян, стр. 39). И действительно, поскольку неподалеку имелось место *Աղբերիս* (resp. **Աղբերք*, позже называлось Гамрис), закономерно было возникновение *Ալ-Աղրերիս*-а (т. е. **Ալ-Աղրերիք*), что со временем видоизменилось: *Ալաբերիս > Ալաբерս > Ալափарս* (ср. Гр. Капанцян, Историко-лингвистическое значение топонимики древней Армении, стр. 56). Асоликово чтение следует исправить *Ալաբերից*. Мнение Капанцяна относительно второй части слава (*-բերք*) как „род“ вряд ли можно считать возможным.

Ականիս (Akanis) — им. **Աканիք*. В древней Армении имеем несколько *Աканիս*-ов: гора Аканис, ныне Меркез-даг (см. *Ս. Տ. Երեմյան, Հայաստանը ըստ «Աշխարհացոյցի», стр. 32*), крепость Аканис (там же). Алишан почему-то сообщаемое Себеосом название *դաշտն Ականից* (изд. 1912 г., стр. 117, изд. 1939 г., стр. 74₂₁) в одном месте сохраняет без изменения, а в другом передает как *Ականիս* (*Շիրակ, 9, 11*). Это название впервые засвидетельствовано с X века (*Հովհ. Դրասխ., Պատմութ., 1912, стр. 329*) в род. п. *Ականեաց*. От какого *Ակն* происходит слово — неизвестно (см. Гюбшман, 296).

Ակսիգոմս (Aksigoms) — им. **Աкхигомс*. Обитель Аксигомс известна по сведению Асолика (*Պատմութիւն..., 1885, стр. 185*). К концу X века здесь был похоронен Иоанн, очевидно проповедовавший монофизитство среди грузин. Обитель находится у подошвы горы Циранис, т. е. Цираника (ср. *Ղ. Ինճիրեան, Ատորազրութիւն..., 386*). Гюбшман с некоторым сомнением восстанавливает форму им. падежа — **Ակսիգոմք* (ук. соч., стр. 248, 297), хотя, на мой взгляд, это сомнению не подлежит.

Աղբերիս (Ałberis) — им. **Аղбериք*. По Ст. Орбеляну, в Сюнии известны два *Աղբերիս*-а (село и агарак), пожалованные Бупаком новопостроенному Нораванку (*Պատմութիւն..., 357*). Акад. Гр. Капанцян эти-

* Список не претендует на исчерпывающую полноту.

мологизировал как *Աղբււր + իք*, откуда вин. пад. *Աղբերիս*. Им же доказано, что название села *Հախվերիս* около Игдыря не что иное, как ложно этимологизированное *Աղբերիս* (см. Гр. Капанцян, ук. соч., стр. 97). От того же слова имеем названия *Աղբերականք*, *Աղբերածոր*, *Աղբերից քեւդ*, *Աղբերխաչ* (см. Гюбшман, стр. 297—298).

Աղվանիս (Aivanis) — им. **Աղվանիք*. Деревня недалеко от Гараһисара (Никополя) (см. Инчилян, *Աշխարհագրութիւն...*, 328; ср. Эприкян, I, 110).

Ապրակունիս (Aprakunis) — им. *Ապրակունիք*. Поселение в области Ерынджак, название констатировано с XIII в. (см. Эприкян, I, 234—235).

Առաի (Araïs) — им. **Առաիք*. В Туруберане известно местечко (аван) *Առաիս*, названное и отчасти этимологизированное Иоанном Мамиконяном (*Պատմութիւն...*, 1941, стр. 189), ныне село *Առաի* (Инчилян, ук. соч., 108; Гюбшман, ук. соч., 191). Любопытно, что суффикс *ք* > *ս* исчезает, не имея предыдущего гласного.

Առինչ (Arip'cs) — им. **Առինչք*. Место это названо и этимологизировано тем же Иоанном Мамиконяном (стр. 213), но наподобие *Առաиս*-а тут тоже конечный суффикс в позднее время исчезает (издатель текста „Истории“ Мамиконяна — А. Г. Абраамян предпочел в тексте сохранить форму *Առինչ*, а *Առինչս* считать разночтением; ср. Инчилян, ук. соч., стр. 109). В разных районах исторической Армении это название варьировалось: *Առինծ*, *Առինծ*, *Առինչ*, *Յառինչ* (см. Эприкян, I, 239—240; ср. Гюбшман, ук. соч., стр. 191, ср. стр. 291). Таким образом — **Առինչք* > *Առինչս* > *Առինչ* > *Առինծ*.

Առլաւիս (Arlawis) — им. **Առլաւիք*. Деревня в районе Гараһисара (см. Инчилян, *Աշխ.*, II, 328; Эприкян, I, 240).

Արնի (Arnis) — им. **Արնիք* (?). В средневековой Армении известно три *Արնի*-а — между Аканцем и Беркри, в верхнем течении Аракса, вблизи села Зогни, и в Хордзении (см. Гр. Капанцян, ук. соч., стр. 93—94). Капанцян склонен был полагать, хотя и с оговоркой, что слово это восходит к урартскому *arpiušinili*, корнем которого является *arpi* (и), т. е. „высокий“ (ср. бог *Arpi*) и „сооружение, строение“ (ук. соч., стр. 94—95). Нас в данном случае интересует не этимология *arpi*, хотя это важно и интересно, а является ли „s“ поздней передачей „š“ (*šini*, как *Tušra* — *Տուշր*), или это показатель вин. падежа мн. числа, выступающего в качестве именительного. Имея в виду многочисленные топонимические названия интересующего нас типа, я склонен „s“ считать показателем вин. падежа, пока закономерность урартско-арм. *š* > *s* в конце слова не будет установлена.

Բլուր (Blurs) — им. **Բլուրք*. Село недалеко от Карина, называемое Аристокэсом Ластивертским (*Պատմ.*, 1963, 108). По Алишану (*Աղբերիս*, 23), это нынешнее с. *Բլուր* Басианской области (подроб. см. Гюбшман, 325).

Բլենի (Blenis) — им. **Բլենիք*. Это топонимическое название приводится Гр. Капанцян (ук. соч., стр. 111) наряду с *Բողնի*.

Բնուհի (Внуис) — им. *Բնուհիք*. Село в Сюнийской области Цлук, упоминаемое Ст. Орбеляном (стр. 229, 510). См. также Эприкян, I, 403—404.

Բոխենի (Boxenis) — им. **Բохենիք*. См. Гр. Капанцян, ук. соч., стр. 111.

Բրտենի (Brtenis) — им. **Բртենիք*. Вероятно, от основы *Բրտ* (ср. Բրտի ալը) (см. Гр. Капанцян, ук. соч., стр. 111). Ст. Орбелян передает форму род. падежа мн. числа — Բրտենիաց (стр. 182).

Գամրի (Gamris) — им. **Գամրիք*. Параллельное название с. *Աղբահիս*-а в Котайке, в некоторых случаях известное также под именем *Կեամրի* и *Գամրէզ* (см. *Ալիշան*, *Ալրարшан*, 287; ср. *Մ. Սմրատեանց*, ук. соч., стр. 261—263). Невольно возникает вопрос: не с перестановкой ли букв имеем дело, т. е. Գամրի вм. Գամիր, т. е. Գամիրը? Тогда бы мы располагали родовой топонимикой, столь важной в историко-филологическом аспекте.

Գնդվան (Gndevans) — им. *Գնդվանք*. Монастырь и село в Вайоц-дзоре. В новое время практически преобладает несколько искаженная форма названия — *Գնդվազ*. У Ст. Орбеляна одновременно имеются *Գնդվանս* и *Գնդվանք* (изд. 1910, стр. 260—263, 513). Гюбшман приводит в виде *Գունդվանք* (стр. 285). Судя по сообщению Орбеляна, первая часть слова имеет родовое происхождение (ср. *Սուփան Գնդունի*, стр. 261). Относительно образования новых топонимических названий словом *վանք* отмечено Гюбшманом (стр. 285), Капанцяном (ук. соч., стр. 78) и др.

Գոտու (Gotus) — им. **Գոտուք*. Название обители в Вайоц-дзоре. В Гарнийском ущелье Орбелян указывает название обители, имеющее одинаковое с корнем слова происхождение — *Գոտու վանք* (стр. 229), ныне *Գոտու վանք* (ср. *Գողիս*, *Գողիք*, *Գողենց*).

Գորի (Goris) — им. *Գորիք* (var. *Գորէք*, *Գաւրիք*). Ныне город, в средневековье — село. Название это у Ст. Орбеляна имеет форму *Գորալք* (стр. 517.), а в более поздней памятной записи — *Կորէս* (см. *Էփրեկեան*, 526). Этимологию слова нужно связать с урартским Gaugari и греч. Γαυγής, соответствующему гавару *Գաւրիք* „Армянской географии VII века“ (см. С. Т. Еремян, 47; ср. Гюбшман, стр. 155—156). Акад. Капанцян *Գորի* и груз. გორი (у Шапуха Багратида — *Գաւրիք*) считает одного происхождения, что весьма возможно, если учесть и соответствие *Կару* — გორი. Название села Мегринского р-на *Կուրի* также восходит к *Գորի*-у. Таким образом в исторической Армии налицо несколько *Գորի*-*Գորիք*-ов (var. *Կորի*, *Գորէս*).

Գուտեմնի (Gutemnis) — им. *Գուտեմնիք*. Акад. Гр. Капанцян в числе некоторых других топонимических названий в форме вин. падежа называет и Гутемнис (ук. соч., стр. 94). Находится недалеко от Мегри, ныне произносится *Գուդեմնի*. Ст. Орбеляном указывается село *Գուտեմնի* (*Գատմութիւն...*, стр. 406.).

Դեգի (Degis) — им. *Դեգիք*. Область в 4-ой Армении (см. С. Еремян, 49), в греческих источниках Διγιστηνίς (Διγιστηνίς) что от Διγισ-τηνί,

т. е. в греческом налицо форма арм. винит. падежа (подробно см. Гюбшман, стр. 154—155, 291). Разночтение у Самуила Анийского в виде *Դհրիո* нужно считать последующим искажением переписчиков отчасти на графической основе (*դ—ռ*).

Դոլս (Dols) — им. **Դոլք*. Село в Арагацотне близ Вагаршапата (описание см. Эприкян, стр. 578—579), акад. Капанцян считает названием «сейсмического происхождения» (ук. соч., стр. 97). В исторической Армении встречаем то же название, но на сей раз в единственном числе—*Դոլ*, центр дизакских меликов, в Арцахе (см. Еремян, 70).

Եղեգիս (Etegis) — им. *Եղեգիք*. Поселение и ущелье в Вайоц-дзоре, неоднократно упоминаемое Ст. Орбеляном (*Պատմութիւն...*, стр. 68—69, 179; 193, 250, 260....). Эприкян отождествляет с сюнийским Алагязом (стр. 641). См. также у Алишана (*Միւսկան*, 146—152) и Гюбшмана (ук. соч., стр. 338). В армянокой топонимике имеется и другое название—*Եղեգունք* (см. Еремян, ук. соч., стр. 93).

Երազգաւորս (Erzagawors) — им. *Երազգաւորք*. Древнее название Ширакавана, происходившего, по мнению акад. С. Т. Еремяна, от *Երուաղ*-а. Акад. Гр. Капанцян же слово это связывает с урартоким именем Rusa. Иоанн Драсханакертокий приводит род. падеж слова—*Երազգաւորից*, что происходит от им. *Երազգաւորք* (см. Гюбшман, 339; Еремян, 74).

Զենակս (Zenaks) — им. **Զենակք*. Лазарь Фарпский указывает село под этим названием в Тайке (см. изд. 1933 г., стр. 300). В указателе издания приводится восстановленная форма *Զենակք* (стр. 659). Гюбшман почему-то сомневается в правильности восстановления **Զենակք* (см. стр. 244).

Թեղեմիս (Telemis) — им. **Թեղեմիք*. Монастырь и село в области Ниг, впервые упоминается Асоликом (стр. 186), в указателе восстановлен *Թեղեմիք*. Гюбшман этимологизирует как *Թեղի+եմի-ք* (см. ук. соч., стр. 348; ср. его же Агт. Грам., 375). В источниках приводится неоднократно (Вардан, Киракос, пам. записи и т. д.). Также название горы над Цахкадзором.

Թուխրս (Tuxars) — им. *Թուխրք*. Эту крепость в Кларджии впервые упоминает автор «Ашхарацуйца» (см. Еремян, 53, 110). По этому тексту исходной формой является *Թուխրք*. Но у Леонта (VIII в.) ясно налицо *Թուխրս* в им. (*Հորով Թուխրսի կոչեն...*). Асолик и Вардан повторяют уже известное. Эприкян указывает, что в рукописях эта местность иногда называется *Թուխրս*-ом (ук. соч., II, стр. 55—56). Гюбшман думает, что *Թուխրք* армянских источников не идентифицируется с одноименной местностью груз. источников (ук. соч., стр. 239—240, 244—245). С. Т. Еремян их сводит к одной местности — „ныне село Херес у границ Тайка“ (стр. 53). Он же считает возможным, что форма *Թուխրք(ս)* восходит к *Թուխր[ի]ս*, т. е. как в грузинском — *თუხრის*.

Շոլովս (Zolovs) — им. **Շոլովք*. Эту местность называет и этимологизирует Иоанн Мамикоиян (изд. 1941 г., стр. 238). В значительной

части рукописей памятника налицо *ժողով*, поэтому издатель проф. А. Г. Абрамян форму *ժողովս* приводит как разночтение к основному тексту. Гюбшман знает *ժողովս* и справедливо производит **ժողովք* (стр. 291).

Խնուհիս (Хпунис) — им. **Խնուհիք*. Название реки, а позже и области. Основа слова — *Խնուհ*, как и называется Григорием Магистром. Впоследствии название видоизменилось — *Խնուհիս* > *Խնուս* (см. Эприкян, стр. 55, 82).

Միրանիս (Сіраніс) — им. **Միրանիք*. Гора между Басеном и Карином. Впервые упоминается Аристаркесом Ластивертским (изд. 1963, стр. 102_н). В научной литературе иногда приводится форма род. падежа *Միրանիաց* (см. Еремян, стр. 56; Гюбшман, стр. 260, 291).

Կապի (Қарс) — им. **Կապք*. Село недалеко от Лениакана.

Կարи (Kars) — им. **Կարք*. Название крепости, города и области. В первоисточниках преимущественно фигурирует форма род. падежа *Կարուց* (Фома Арцуни, Асолик). *Կари* в именительном читаем у Асолика, а затѣм у Константина Порфирогенета (стр. 192) — *τὸ Κάρς*, и у арабско-персидских историков — Қарс (Иян ал-Асир), Қарс (Якут и Хамдоллах Казвини). Қарс (Шериф ад-дин Али Йезди). В грузинском сохранилась основа единств. числа *Կար-ձահ*. Этимология не установлена (см. Гюбшман, стр. 291, 363; В. В. Бартольд, Сочинения, III, стр. 448). Если верно, что Карсская крепость восходит ко времени Урарту, как полагает С. Т. Еремян (стр. 58), то этимологию *Կари*-а нужно искать не в груз. *ձահ-օ*, а в урартском.

Կեչառուս (Кеѣ'арус) — им. **Կեչառուք*. Село и монастырь, резиденция рода Пахлавуниев. Неоднократно называется в исторических сочинениях и памятных записях-надписях. В итальянском переводе колофона Григория Магистра (от 1051 г.) местность называется *Checciapar* (см. Saint-Martin, Mémoires, II, 1819, p. 289), что Алишаном транскрибируется в виде *Կեչառուս* (подробно см. Эприкян, II, стр. 365). В источниках часто встречаем форму род. падежа *Կեչառուաց*, что делает закономерным восстановление им. *Կեչառուք*. Следует отметить, что одновременно фигурирует форма *Կեչառիս*, а в источниках встречаются также *Կեչառուիք*. Суть одна и та же.

Կերճանիս (Kerčanis) — им. **Կերճանիք*. Населенный пункт в Высокой Армении. Акад. С. Т. Еремян данное название рассматривает в трех вариантах: *Կերճանիս* (*Գարսանիս*)-Gersagis-Garsanis (см. Еремян, 58). Независимо от формы и этимологии самого названия, ясно, что дело имеем с известным армянским окончанием. По описанию Инчи-чяна (стр. 166), недалеко от Арчеша находилось с. *Կերճանիս*. Гюбшман склонен думать, что это есть род. падеж **Կերճանիք*-а (стр. 195). Возможно и другое — *Կերճանից* < *Կերճանիս*, а последняя форма, разумеется, восходит к **Կերճանիք*.

Կուառս (Куарс) — им. **Կուառք*. Местечко на Мушской долине, ныне называется *Կիրավի* (см. Еремян, стр. 61). Гюбшманом отмечено,

что форма *Կոտնի* является аккузативом, а номинатив нужно восстановить **Կոտնք* (Гюбшман, стр. 190, 221).

Մասիս (Masis) — им. *Մասիք*. Название это неоднократно фигурирует в армянских источниках начиная с V века (Агафангел, Хоренский). В арменистике давно замечено, что при наличии *Մասիաց* в родительном *Մասիս* является формой аккузатива, в именительном же следует восстановить *Մասիք*. У Фомы Арцруни налицо именно *Մասիք* (изд. 1917 г., стр. 97). Гюбшман происхождение слова считает неизвестным (стр. 187, 251, 260 и 379). Этимология Инчиच्याна традиционна и не имеет научной почвы (см. *Հնախոսութիւն...*, 1, 1835, стр. 54—55). Еремян (стр. 65) приводит римско-греческо-сирийские соответствия этого названия (*Μάσιος*, *Μάσιον ὄρος*, *Masius mons*, *Maššian, tûra de Sala*). В греческой редакции Агафангела *Մասիս* транскрибирован *Μασίς*. В письмах Григория Магистра констатирован *Մասիք* в значении ед. числа со склонением *Մասիքոնն*, resp. *Մասիքոնի* (стр. 91).

Մատաղիս (Matalis) — им. *Մատաղիք*. Так называются развалины одного села в Хачене и населенный пункт в Джаберде (см. *Մ. Բարխուդարյան, Արցախ*, стр. 193, 291). Т. Авдалбекян данное название этимологизирует как „вновь насаженный сад“ (см. его *Հայագիտ. հետազոտ.*, стр. 317, прим.).

Մոխրեմի (Moxrenis) — им. **Մոխրեմիք*. Такое название приводится акад. Г. Капанцяном (ук. соч., стр. 111) как образованное суффиксом — *եմի* (+ք—ս).

Մոկկունի (Mokkuns) — им. **Մոկկունք*. В разночтениях к *Մոգաունի* Ионна Мамиконяна (изд. 1941 г., стр. 254) имеем *Մոկկունի* (ср. *է Մոկկունս*). Гюбшманом отмечено, что предложенная историком этимология ложна (стр. 384), но достоверно известно, что в Тароне до последнего времени была деревня *Մոկկունք* (Инчиच्याн, ук. соч., стр. 109—110; его же *Աշխարհագր.*, I, 1, стр. 188). Так что разночтение *Մոկկունի* при отождествлении с нынешним названием можно считать аккузативом *Մոկ(կ)ունք*-а (ср. Гюбшман, 191).

Մոկս (Moks) — им. **Մոկք*. Так назывался пятая провинция Великой Армении и местечко в области. Упоминается начиная с IV века (Мохопеа — у Аммиана). У армянских историков преимущественно встречаем форму род. падежа — *Մոկաց*. В V веке край упоминается в сирийских источниках (Βεθ Moksāyē). Гюбшманом давно установлено (ук. соч., стр. 83—84), что в латинском и сирийском сохранена армянская форма аккузатива (*Մոկք > Մոկս*). Варианты *Մոկուն* и *Մոկի* также восходят к **Մոկք*, единственное число которого сохранено в *Մոկացի*.

Նորատուն (Noratus) — им. **Նորատունք*. Село в Геларкунии, в позднее время называемое *Նորադուն* (очевидно, по ложной этимологии на турецкой основе). В надписях название передано в форме род. падежа *Նորատունաց*, что, естественно, должно быть восстановлено в виде *Նորատունք* в именительном. Следовательно, *Նորատուն* является формой

винительного падежа, ставшей и именительной (см. *Մ. Սմբատեանց, Տեղագիր...*, 1895, стр. 482—483).

Նորս (Nors) — им. **Նորք**. Село в Нахиджеванской области, где сохранилась надпись Лианоса (*Լիանոս*) от 1251 года (см. *Մ. Սմբատեանց*, ук. соч., стр. 262). Восстановление формы им. пад. мн. числа не представляет никаких трудностей, поскольку вблизи Еревана (ныне в Ереване) имеем поселок **Նորք**, что значит „сад“, „новонасаженный сад“ (см. *Թադ. Ավդալբեկյան*, ук. соч., стр. 317).

Նուբիս (Nubis) — им. ***Նունիք**. Местечко, названное в надписи (XVII в.) агулисского монастыря (см. Алишан, *Մրասկան*, 326). Возможно, правильное было бы читать [*ն*] **նունիս** (ср. *Նուրնու*).

Շահապոնի (Šahapons) — им. ***Շահապոնք**. Ст. Орбелян называет крепость **Շահապանից**, а также ущелье **Շահապանից** (изд. 1910, стр. 14). Издатель текста для *զՇահապանան* (стр. 298) восстановил форму им. надежда **Շահապաւանք**, что не оправдано фонетически. Гюбшман установил, что исходной формой является **Շահապոն(ը)ս** (ук. соч., стр. 389).

Շիրիմս (Širims) — им. ***Շիրիմք**. У Асолика рассказывается о построении Абасом Карсским монастыря на местности, называемой **Շիրիմս** (издателем в тексте предпочитается чтение **Շիրիմ**) (см. Асолик, изд. 1885, стр. 197; ср. Гюбшман, 291). Ср. груз. შირიმო.

Ռամիս (Ramis) — им. ***Ռամիք**. Место, названное в той же надписи, где и **Նունիս**.

Սինիս (Siwnis) — им. **Սինիք**. Гюбшманом замечено, что было бы неправильно в этом слове искать родовую топонимику — **Սի** + **անի** (ук. соч., стр. 95—100). На мой взгляд, прав акад. С. Т. Еремян, когда **Սինիք** возводит к более архаичному ***Սենիք**, происходившему от урартского *Tuiniā*, синонимного с *Ueduri-Etiuni*. Вероятно также мнение ученого относительно единого значения и происхождения ***Սենի-իք** и **Սենան-а** (см. его *Ն. Մանր և VII դարի հայոց Աշխարհացույց-ը* в сборнике «*Ն. Մանր և հայագիտ. հարց.*», стр. 81—82). В одной из строительных надписей Мастары читаем: «... որ եւ ինձ՝ Գրէգորասայ Սինիսի...». Исследователям не удавалось правильно читать подчеркнутое нами слово, вследствие чего содержание надписи оставалось не установленным. В действительности, тут мы имеем форму **Սինիս**, в им. падеже — **Սինիք**. Любопытно, что в значении сюнйца имеем не только **Սինի**, но даже **Սինիս**.

Վարդեբիս (Vardenis) — им. ***Վարդեիք**. В исторической Армении имелось несколько Варденис-Варденик-ов (село в Арагацотне, местность в Вайоц-дзоре, населенный пункт в Геларкунии, село недалеко от Акна, местность восточнее Баберда, село недалеко от Муша, рядом с Ардонком, и т. д. (ср. Гюбшман, 410). Этимология слова (**Վարդեիք**) не вызывает сомнений (там же).

Տոլорс (Tolors) — им. ***Տոլորք**. Акад. Гр. Капанцян в числе слов с формой винительного падежа приводит и Толорс (ук. соч., стр. 94). Если это название писалось и звучало так, как мы транскрибировали,

то его можно было бы сопоставить с ტოლოში в Самцхе, т. е. *Տոլորք* > *Տոլորք* > ტოლოში (რე > შ).

Տրունի (Trunis) — им. **Տրունիք*. Называется в стихотворной надписи из Агулиса от 1694 года (см. Алишан, *Միսական*, 326, 336), ложно этимологизированного от собственного имени *Տրունիս*. Алишаном же предлагается этимология от *Տուր*-а (стр. 338). Им же отмечено, что название местности *Տեռնիս* также восходит к *Տրունի* (см. ук. соч., стр. 341). Вариантами интересующего нас слова можно считать *Տիռիս* (река), *Տինիս*, *Տեռնիս* и т. д. (Алишан, ук. соч., стр. 4).

Ախթի (Uxt'is) — им. **Ախթիք*. Город и область в Тайке (Тао). У Асолика и Аристакэса Ластивертского встречаем форму род. падежа (*Ախթեաց*). Гюбшманом установлено, что первоначальной армянской формой следует считать **Աղթիս*, что является формой винит. падежа (см. Гюбшман, 245). Подробно см. при анализе *Օլտոսի*.

Արրանի (Urbanis) — им. **Արրանիք*. Название местности или населенного пункта в северной Армении, засвидетельствованного Леонтием Мровели (*սեկի Արրանիս Հալոց*, см. древнеарм. перевод J. 3., изд. 1953 г., стр. 80₁₄). В древнегрузинском оригинале J. 3., I, 85) имеем форму *ორბანთა*, что в исходной должна быть либо *ორბანთა*, либо *ორბანთი* (var. *ორბანთა* — AC, *ორბანად* — v, *ურბნთადა* — M, *ურბნის* — m). Быть может, интересующее название следует локализовать с Орбети. Такая постановка вопроса могла бы оказать услугу при толковании родового названия Орбели—Орбелеан (и), уж не говоря об этимологической связи между *Արրանիս*-а и *ურბნის*-а в Картли.

Օրովանի (Obovanis) — им. **Օրովանիք*. Местность вблизи от Агулиса, называемая в той же стихотворной надписи, что и *Տրունի*. Независимо от этимологии слова тут налицо форма вин. падежа.

Выше было приведено более 50 примеров, взятых из топонимики Армении. Можно сделать вывод, что все эти названия имеют одинаковые окончания, ибо образовались на основе единой формы им. падежа мн. числа. Типологически эти названия можно делить на две группы: с окончанием *նի-ս* // *ի-ս* // *րի-ս* и только *ս*. Собственно показателем винительного является именно *ս* (s). Выделение *նի-ս*-а вызвано следующим обстоятельством: в армянской топонимике имеется значительное количество названий с окончанием на *-նի*. Таковы, например, *Անի*, *Բջնի*, *Գառնի*, *Եղնի*, *ԽՀնի*, *Խոփորնի*, *Խորնի*, *Պարնի* и т. д.

При установлении первоначального вида и значения приведенных выше названий определенную услугу может оказать грузинская традиция передачи этих слов-названий. В древнегрузинских первоисточниках имеем *აბის* в м. арм. *Անի*, *ბოჯბის* в м. арм. *Բջնի*, *გარბის* в м. арм. *Գառնի*. Если из грузинской формы удалить падежное окончание -о, то получим *აბის* (Анис), *ბოჯბის* (Бджнис) и *გარბის* (Гарнис). Следовательно, мы тут располагаем опять-таки формой винительного падежа. Нет сомнений, что в определенный период и в армянской

среде говорилось *Անիս, *Բջնիս, *Կառնիս, что и было воспринято грузинами. Доказательством может служить редкая форма Միւնիս из Мастарской надписи. В этом отношении интересна этимология Բջնի—ծոփօս-а. Слово это первоначально звучало как Բրգնիք. Правомерность такого восстановления устанавливается существованием названия Բրգնիք вблизи Севастии (см. Ն. Սարգսիսյան, Տեղագրութ., стр. 64—65; ср. Կ. Գաբրիկյան, Հայ. բուսաշխարհ, стр. 141—142; см. также карту после стр. 18). А что в основе Բրգնիք-а лежит слово բուրգ, это хорошо видно и по отдельному названию Բուրգ на реке Гайл. У Инчицян интересующее нас название несколько искажено — Բուգնիկ, хотя опять-таки строение сохранилось (ср. Гюбшман, ук. соч., стр. 320, 326).

На основании многочисленных примеров мы убедились, что многие топонимические названия с окончанием на -իք в винительном получают форму -իս, что со временем становится исходной формой. Следовательно, от Բրգնիք мы спокойно могли получить *Բրգնիս, а комплекс րգ со временем превратился в ղ (точнее գ > ղ). Пример этому сохранился в армянских надписях Ани и Карса, где речь идет именно о բուրգ-ах. Там читаем: «...Հասարկեցալ բրջնիս» (см. Ն. Սարգսիսյան, ук. соч., стр. 103; ср. Դիվան, I, стр. 3, 4, 6, 7). Любопытно также, что в некоторых диалектах армянского языка, напр., в каринском, пирамидообразное украшение, выкроенное даже из бумаги, называется բուրջ (ср. груз. ბურჯი), что явно восходит к слову բուրգ (от урартского bu-ga-na-ni — „крепость, храм“, точнее, быть может, „башня“, не вполне синонимичному с урартским ga-ri-ni; ср. В. А. Гвахария, Словарь-симфония..., стр. 335, 349; ср. Н. Я. Марр, Ереруйская базилика, 1968, стр. 52). Правильность заключения о переходе *Բրգնիք-а в *Բրգնիս > Բջնիս подтверждается еще и наличием переходной формы в письменных памятниках — Գրիգոր Բրջնեցի, Յովնա արհես. Բրջնոյ (см. Նաիրակեանք..., 1969, стр. 378). Таким образом, нынешний Բջնի этимологизируется как *Բրգնիք. Грузинская же форма ծոփօս-и (у Арсения Сафарийского сохранилась форма ծոփօ, если, конечно, не считать, что в сочетании Ծեմօն... ծոփօս второй ւ не оказался пропущенным переписчиком — см. Երանոսյան, I, 332) занимает среднее место между нынешней (Բջնի) и древней (Բրգնիք) формами. Нужно полагать, что остальные топонимические названия (անիս, զանիս) занимают такую же позицию и могут оказать определенную услугу в поисках первоначального вида слов. Но вопрос этим не исчерпывается.

Определенное количество топонимических названий из Грузии имеет одинаковую форму, что и названия с окончанием винит. падежа в армянском. Таковыми являются:

აკურისი (Akurisi)

არანისი (Aranisi)

ბირთვისი (Birt'visi)

ბოლნისი (Bolnisi)

გოლისი (Golisi)

დათვისი (Dat'visi)

დელისი (Delisi)

დმანისი (Dmanisi)

ეგრისი (Egrisi)

ერისი (Erisi)

თუხარისი (T'uxarisi)

ითხვისი (It'xvisi)

იკვისი (Ik'v'isi)

კრწანისი (Krcanisi)

კუმისი (Kumisi)

ლარგვისი (Largvisi)	უბისი (Ubiṣi)	ყორნისი (Qornisi)
მანგლისი (Manglisi)	ურბნისი (Urbnisi)	შინდისი (Šindisi)
მარილისი (Marilisi)	ფაზისი (P'azisi)	ცერონისი (C'eronisi)
ნიჩბისი (Ničbisi)	ფარცხისი (P'arc'xisi)	წავკისი (Cavkisi)
ოლთისი (Olt'isi)	ქვაისი (K'valsi)	წედისი (Cedisi)
პანკისი (Pankisi)	ქსოვრისი (K'sovrisi)	ხერთვისი (Xert'visi)
რუისი (Ruisi)	ქუთათისი (K'ut'at'isi)	ხონოგურისი (Xongurisi)
საცხენისი (Sac'xenisi)	ყინწვისი (Qincvisi)	ჯიხაის/ში (Jixais/ši)
ტფილისი (Tp'ilisi)		

Как объяснить такое изобилие топонимических названий с окончанием на -ის-ი, собственно -ის, в грузинском? Акад. Г. В. Церетели склонен думать, что «Топонимические названия, оканчивающиеся суффиксом „ისი“, должны были быть распространены на всю территорию Грузии из Картли; это подтверждается множеством названий местностей с окончанием „ისი“ в ущельях (ხეობა) Картли» («ლიტ საქ-ლ», 19 ივნ., 1969). Следовательно, ученый приведенные выше названия рассматривает как имеющие единое происхождение. Такое заключение было бы правомерно, если бы мы располагали названиями, возникшими лишь после политического объединения Грузии в IX—X веках. Но, как известно (и будет указано ниже), некоторые названия с окончанием на „ისი“ в Западной и Юго-западной Грузии упоминаются еще в IV—III веках до н. э., а в этот период о влиянии Картли (тем более о языковом) на Западную Грузию и речи быть не может. В действительности, общность формы грузинских топонимических названий с окончанием на -ის-ი по существу не восходит к этимологической общности; это продукт совершенно разнородных и никак не сводимых языковых норм и явлений. Указанные выше названия можно делить на четыре группы:

а) Названия, возникшие на базе норм греческого языка. Образование греческих колоний в Восточном Причерноморье специалистами относится к VIII—VI вв. до н. э. Фазис же считался наиболее крупной и значительной колонией, основанной греками—выходцами из Милета. Впервые этот город, в котором находилось святилище Аполлона, упоминается в надписи на обнаруженной на Кубани (Зубовский хутор) пиаде (...τορ Φάσι), относимой к концу V или к началу IV вв. до н. э. (см. Г. А. Меликишвили, К истории..., стр. 242 и прод.). Название Фазиса привлекло внимание как историков, так и лингвистов (Джавахишвили, Джанашиа, Бердзенишвили, Ростовцев, Фогт, Шмидт, Климов и др.). Акад. С. Н. Днажашиа установил, что с помощью арм. *Փափ* можно восстановить древнейшую груз. форму—*ფასო//ფო/უსო* (см. его *შრომები*, т. II, стр. 278 и сл., т. III, стр. 122). При изучении древнегрузинских форм интересующего нас имени существенную поправку внес акад. Г. А. Меликишвили: на основании картвельских языков и с учетом армянской передачи он восстановил форму *Pašd*, т. е. греки застали сванскую передачу имени (см. его *საქ-ს, კავკ. და მახლ. აღმ. უძე. მასახლ. საკითხისათვის*, стр. 50—63). Но для нас важно

другое: $\Psi\alpha\iota\varsigma$ древнегреческих (ფაზის-ი в грузинском) источников восходит к $\Phi\alpha\iota\delta$ в именительном, буква же δ выпадает при сигматическом образовании— $\Phi\alpha\iota\delta+\varsigma$, но, как и следовало ожидать, восстанавливается в остальных падежах— $\Phi\alpha\iota\delta\iota\omicron\varsigma$, $\Phi\alpha\iota\delta\iota$, $\Phi\alpha\iota\iota\nu$ (см. ук. соч., стр. 51—52).

Не менее любопытно пазование *Кутатиси*. Этот город впервые упоминается греческими авторами III века до н. э. Г. Жордания попытался этимологизировать это название как состоящее из собственного имени *Кутати* с груз. окончанием род. пад. -ის. Но, как и следовало ожидать, такое предположение не нашло подтверждения и осталось лишь гипотезой (см. его მებრუნები, 1956, стр. 168—173). Проф. А. В. Урушадзе констатировал, что аналогичные названия встречаются в глоссах Крита—*Kutatiŋo*, *Kutasiŋo*, *Kutatiŋa*, и данное имя, по его предположению, пеласгийского происхождения (см. его ძველი კოლხეთი..., стр. 138; ср. —ლიტ. საქ-თ, 11 აპრ., 1969). Им же устанавливается, что в слове *Κυταις* сохранился образующий топонимические названия суффикс— $\iota\varsigma$, который равнозначен суффиксу принадлежности— $s(s)$ — (tt) — pth , частому в топонимике Эгеи и Малой Азии. Пеласгийского ли этот суффикс происхождения, имеет ли он какую-либо генетическую связь с грузинским—ის-ი—все это еще не так ясно. Одно только известно: в слове ქუთათისი интересующее нас окончание не древнегрузинского происхождения. В „Аргонавтике“ Аполлония Родосского интересующее нас название в род. падеже имеет форму *Κυταιίδος* (II, 399; IV, 511), а в винит. *Κυταιίδα*. Следовательно, *Κυταις* именительного явно сигматической, и прав В. В. Лытшиев, когда транскрибирует „Кутаидский“ (*Scythica-Caucasica*, I, 417), хотя, как заметил А. Урушадзе, перевод его неточен (следует „Город Эя Кутаид“, ср. აზგობავტობა, 1970, стр. 373). Вероятно, с подобным же явлением мы имеем дело в названиях крепостей Лазского царства *Τηλας* и *Σαραπας* (*Σάραπα*), сообщаемых греческими источниками (подробно об этих именах и их локализации см. у С. Г. Каухчишвили—„Georgica“, III, стр. 304—307, 311—316). С подобным же фактом сталкиваемся при названии реки $\rho\iota\varsigma$ (по псевдо-Скилаксу), идентифицируемого с Рионом (С. Н. Джанашиз и др.) или Техури (Т. Каухчишвили), и названии $\tau\iota\varsigma$ (псевдо-Скилакс, Плиний, Арриан), идентифицируемого с рекой Натанеби (Л. Елинский и др.). Одинакового образования также *Τηλως* (гр. *Τηλιδος*), с ваг. *Πηλως*, *Γηλως* (см. თ. ყაუჩიშვილი, ბერძენი მწერლები..., I, стр. 36, прим. 55).

б) Названия, возникшие на основе глагольных форм древнегрузинского языка. Акад. А. Г. Шанидзе слову *ხერთვისი* посвятил специальную главу с обстоятельным выяснением связанных с этим названием вопросов (см. его თხზულებანი, I, 268—277). Им установлено, что в Грузии имеются по меньшей мере шесть *Хертвис*-ов (ср. с греческим названием *Херсонес*), а так назывались находившиеся у слияния рек места, затем межводные (постепенно слово стало означать и „остров“, „полуостров“). Ученый доказал, что в *ხერთვისი* в объек-

тный префикс третьего лица (ханметная форма), ըրտօն же спряженная форма глагола հտօ , т. е. показатель III лица. Следовательно, название Երտօն по окончанию оказалось созвучным с остальными иного происхождения топонимическими названиями только лишь внешние. Вероятно, в приведенных нами именах будут и другие, возникшие на основе спряженных глаголов.

в) Названия с показателем *genetiv*-а. Родительный падеж ед. ч. в грузинском имеет окончание *-ոն*. В грузинской топонимике, как и в армянской, часты описательные названия, когда один из компонентов указывает на местность, а другой определяет ее. Так, например, $\text{հրտօն} = \text{հրոն տօն}$ (ср. Մարտն տօն , Խորն տօն) постепенно стал восприниматься как одно слово. Но имело место и другое: հրոն стал фигурировать самостоятельно, а показатель род. падежа стал восприниматься как неотъемлемая часть слова (ср. Шанидзе, ук. соч., стр. 275—276). Естественно, в данной позиции слово должно было получить показатель им. падежа *-ո*. Так мы получили հրոն-ո . Со временем сочетались даже два стоящих в *genetiv*-е компонента, первому из которых возвращалось первоначальное значение, а второй потерял его (հրոն յրձնոն). Основная часть приводимых нами названий носит именно показатель род. падежа *-ոն* (Աշտիոն-ո , Հրաբեր-ո , Դաշտ-ո , Նախիվ-ո). Как видим, *-ոն-ո* в этом случае ничего общего не имеет с окончанием названий, приводимых в первых двух пунктах.

Несколько спорным представляется название страны Երտն-ո . Я тоже придерживался мнения, согласно которому тут налицо окончание род. падежа. На это указывает то обстоятельство, что основой слова является ըր (ср. մ-ըր-ըն , ըր-ոն Մարտն), что поддерживается и армянской традицией передачи слова: имеем Երերաց աշխարհ и Երրոյ շուր , где основой остается Երր , второе же հ в Երերաց можно рассматривать как двойной показатель род. падежа. Однако мои сомнения вызваны следующим обстоятельством: греческая традиция это название передает в виде Ἐρτικῆ (напр., у Птолемея). Проф. А. В. Урушадзе устанавливает, что *-ի* суффикс, указывающий на местность и происхождение, предыдущий же τ равнозначен ς , а не является результатом искажения, как полагал академик С. Н. Джанашиа (см. ук. соч., стр. 137). Если это так, т. е. $\text{Ἐρτικῆ} = \text{Ἐρτιϰῆ}$, то возникает вопрос—в силу каких обстоятельств автор II века Птолемей передает древнегрузинскую форму (Ἐρτιϰ-), а не самоназвание края, тем более, что у того же автора налицо Μάνραλοι (resp. Μάγραλοι), что ближе к занскому Մարգալո (resp. Մագրալո)? Как известно, греки куда больше соприкасались с чано-мегрелами, чем с картлийцами. Вопрос, на мой взгляд, требует дополнительных объяснений.

г) Названия, общие с армянскими, носящими окончание винит. падежа. Некоторые из вышеприведенных топонимических названий, как и следовало ожидать, судя по их расположению, неоднократно упоминаются в древнеармянских источниках. Но вот с каким любопытным

фактом мы сталкиваемся. При образовании род. падежа эти топонимические названия передаются только во множественном числе. Так, например, город Тбилиси (Тифлис) впервые в древнеармянской литературе упоминается в послании епископа Моисея Цуртавского к Сумбату от 608 г. „*զիւն աւր ի Տփղիս, ի նորա դուռս կացի*“ (172), т. е. слово представлено в форме винительного падежа (при образовании местного). Но вот в другом послании (от 608/9 г.) представлено слово в родительном—*Տփղեաց* (стр. 183). То же самое наблюдаем с названием *Манглис*: „*Եղադէս եղիսկոպոս Մանգղեաց*“ (стр. 183), „*Մի' ի Մանգղեաց խաչն*“ (стр. 194), „*Մանգղեաց փոր*“ (*Աշխարհացուց*, 104). Следовательно, здесь также от *Մանգղիս* в им. пад. единств. числа получаем *Մանգղեաց* в род., но уже во мн. числе. А это знакомое нам уже явление: так склонялись все вышеприведенные 50 армянских названий. Значит, *Տփղիս*, *Մանգղիս* армянами воспринимались как формы мн. числа (вин. падеж), в именит. же должны были иметь **Տփղիք*, **Մանգղիք* (кстати, издатель Գ. Թ.-а именительную форму *Մանգղեաց*-а восстановил в виде *Մանգղիք*). Говоря о последнем названии, следует еще указать на следующее: учеными установлено, что груз. *მანგლისი* -о состоит из известного в армянской топонимике слова *անկ* (см. Капанцян, ук. соч., стр. 84; ср. Еремян, 65). То же самое наблюдаем в названии Дманиси. В армянском переводе древней части „Картлис цховреба“ (изд. 1953 г.) имеем *Դմանիս* (им. пад., стр. 215, 251), но в род. падеже опять налицо ожидаемая форма—*Դմանեաց* (стр. 247). Для характеристики интересующего нас явления, пожалуй, более показательны следующие примеры: в исторической Кларджии имелась крепость, называемая армянскими первоисточниками *Թուխարս* (*Պատմութիւն Ղզնդաշ*, 1887, стр. 26; *Ասողիկ*, 1885, стр. 124). Против груз. *თუხაროსი* в армянском переводе „Картлис цховреба“ фигурирует *Թուխարս* || *Թուխարի* || *Թուղարս* (стр. 12, 24, 25, 168), т. е. нормальная форма винительного падежа, восходящая к *Թուխարք* в именительном, как и воспринято слово издателями приведенных выше двух текстов (см. указатели). Не сомневаясь в правомерности *Թուխարք*-*Թուխարս*-а в армянском, как это указывается и у Гюбшмана (ук. соч., стр. 244—245), следовало бы выяснить причину формы *თუხაროსი*-о в грузинском; имея исходную форму *Թուխարք*, в грузинском должны были получить *თუხარსი*-о*. Кстати, не менее любопытно и слово *ოლთოსი*: у Асолика оно представлено в виде род. пад.—*Ուխթեաց* (стр. 189, 278), что повторено и у Аристахэса Ластивертского (изд. 1963, стр. 24, 25, 29). Таким образом, город (=городище, край) назывался *Ուխթիք*. Но Гюбшманом справедливо замечено, что в более древнее время мы должны были иметь *ղ* вместо *ւ*, т. е. **Ուղթիք* (стр. 245). Примечательно, что в грузинском сохранилась именно форма арм. вин. падежа *Ուխթիս* (resp. *Ողթիս*), т. е. груз. *ოლთოსი*. Со временем последняя форма стала восприниматься как грузинская, потеряв первоначальное

* Быть может слово проявило свою скрытую слоговость между *р(г)и*?

значение вин. -им. падежа во множ. числе, и потому в некоторых грузинских источниках принят новый показатель множественности—*ოთხობის* (ქ. ც., I, 318; II, 213), хотя преобладает традиционная *ოთხობა* (ქ. ც., I, 284; 383; II, 402, 403, 437...). Бытующая в народе форм *Olt'i*, что Гюбшман называет „грузино-турецкой формой“ (там же), отражает более раннее название местности в грузинской среде (ср. **ჟარე*—*ჯარი*).

Что касается названия *ჯრჯობის* (ср. *ჯარსაბო*), то можно указать на созвучность с армянским *Կերճանիս* (см. выше). Это обстоятельство отмечено акад. Гр. Капанцяном (ук. соч., стр. 101).

Приведенные факты позволяют заключить, что часть топонимических названий из Грузии с окончанием *-ის* имеет одинаковое происхождение, т. е. в них зафиксирована форма винит. падежа по нормам армянского языка*.

Этот факт, разумеется, заслуживает внимания по целому ряду обстоятельств, отчасти рассматриваемых ниже. Впрочем, Гюбшманом давно отмечалось, что «Подобны примерам им. вин. *Միրանիս*, род. *Միրանիաց* также грузинские названия с окончанием *-is*, так: *Manglis* (Brosset, Description, 171), араб. *Manjalis*, арм. *Մանգղիաց փոր* (см. выше, стр. 287), *Dmanis*, арм. *Դմանիաց (Ինճիճ., 44, 517), Olt'is* (Brosset, 119), арм. **Ողթիաց-Ուխթիաց (Ասող., 189, 278, Լաստիվ., 9)*» (ук. соч., стр. 291, прим. I) **. Гюбшман приводит, таким образом, три названия (Манглис, Дманис, Олтис), но в принципе делает существенно правильное замечание, что они одинаковы с арм. *Միրանիս*, следовательно, он склонен был считать эти груз. названия с окончанием *-is* тем же показателем вин. падежа в армянском.

Теперь, после установления значения и происхождения окончания винительного падежа, нужно выяснить в какой именно период могло происходить интересующее нас явление. От решения данного вопроса в известной мере зависит предполагаемый историко- и этно-лингвистический вывод. Нельзя, однако, возникновение названия с известным нам грамматическим изменением рассматривать в полной синхронности со временем возникновения данного географического пункта, допустим—города, крепости или села. В таком случае, мы бы могли, например, сказать, что **Տփղիբ* только с шестого века превратился в *Տփղիս* (= *Օթղისი*), ибо сам город основан, как известно, Вахтангом Горга-

* В „Обращении Грузии“ сохранилось топонимическое название *ბანტაგისი* (см. *აგოგა. ძეგლები*, I, 81), привлекающее внимание Н. Я. Марра, Е. С. Такайшвили и др. Мне представляется более вероятным объяснение Л. А. Чилашвили, рассматривавшего в данном слове искажение перс.-арм. „дастакерта“ (см. его *ქართვები...*, I, 91). Такое мнение подкрепляется и формой данного названия у Мровели (*ბანტარბი*), располагавшим в XI веке менее искаженным списком „Обращения“.

** В оригинале: „Nach Mustern wie Nom. Akk. *Ciranis*; Gen. *Ciraneac* werden auch georgische Namen auf *is* behandelt: *Manglis* (...), arab. *Manjalis*; арм. *Mangteac p'or* (...); *Dmanis*; арм. *Dmaneac* (...); *Olt'is* (...): арм. **Ott'eac*=*Uxt'eac* (...)“ (издание 1969 г., стр. 392).

салом во второй половине V века. Но это не так. Всякое существенное грамматическое (и фонетическое) изменение происходит в процессе длительного развития языка. Чтобы форма вин. падежа стала исходной, т. е. формой именительного, она долгое время должна была восприниматься в качестве параллельной, а затем стать преобладающей по сравнению с истинной формой именительного. Таким образом, этот процесс, видимо, включает три этапа: а) **Տփղիբ* был единственной формой им. падежа, а (*η*)*Տփղիս*—винительного, б) в именительном **Տփղիբ* и *Տփղիս* фигурировали параллельно и в) **Տփղիբ* предался забвению, а *Տփղիս* стал нормальной формой в двух падежах (им. и вин.). Интересующий в данном случае город же со дня своего основания носит одно название—*Թբղոս* (ныне *տბილისი*), как это засвидетельствовано армянскими, грузинскими, греческими и другими первоисточниками. Следовательно, задолго до возникновения армянской и грузинской письменности и национальной литературы, задолго до основания города-резиденции Горгасалом на том же месте был населенный пункт (крепость Шурис цихе—*sic!* и поселение) первоначально с названием **Տփղիբ*. Но письменность застала форму *Տփղիս*. Все это заставляет нас время перехода слов с формой вин. падежа в именительный отнести к дописьменному периоду. Быть может, аналогичные факты имели место и в средневековье, но часть приведенных выше примеров такое изменение претерпела именно в дописьменный период. В данном вопросе значительную ясность могли бы внести греческие и другие источники, повествующие о странах Закавказья. Но, к сожалению, эти источники в данном аспекте очень скудны. Из того, что Константином Порфирогенетом упоминается город Карс в интересующей нас форме—*...εις τὸ χάτρον τὸ Κάρς* (Corp. Script.. 1840, III, 192), нельзя сделать достоверное заключение, что он так назывался, допустим, при Плутархе или Страбоне. Или же из того, что Феофаном Византийским впервые в византийской литературе называется Тбилиси с интересующей нас формой—*τὴν δὲ τῶν ἱερῶν τότε ἢ Τίφλις μητρόπολις* (см. Georgica. III, 257—258), нельзя сделать заключение, что местность (населенный пункт) так назывался и в I—II вв*.

Относительно древности интересующего нас явления, т. е. выступления формы винительного в качестве именительного, говорит также упоминание Веѳ *Moksāyē* в сирийских актах собора 410 года или Мохопе у Аммиана. Следовательно, еще в IV веке край именовался *Uḥlu*-ом, как и упомянут вышеназванными источниками. Должно быть,

* Впрочем, нет ничего странного в том, что против арм. *Տփղիս* в грузинском имеем *Թբილისი*. Между буквами *ւ* и *փ* в армянском налицо выступающее при произношении *բ* (*Տ(բ)փղիս*), которое, как уже отметили (*Բջին*—ბოჯინ-ი), в грузинском выражается преимущественно буквой *ბ*, значит должны были иметь **Թიფლისი* (ср. русск. *Тифлис* и греч. *Τίφλις*), но вследствие перестановки (метатеза) *ფ* получили существующую и древнегрузинской литературе форму *Թբილისი*. Возможно, этому способствовала и народная этимология слова—*Թբილისი*—*თბილი*. Армянская устная традиция по сей дань предпочитает форму *Թիֆլիս*.

изменение это имело место задолго до упоминания местности римским историком или сирийскими актами. Поэтому, по данным письменных первоисточников, интересующее нас явление можно отнести к дописьменному периоду. Более точное определение может быть установлено специальным изучением фонетики армянского языка в дописьменный период, что не входит в нашу задачу.

Говоря о происхождении форм топонимических названий в Грузии, следует обратить внимание на географическое месторасположение этих пунктов в свете административно-политической истории края.

Болнис—*Բողնիս*—*ბოლნისი* был центром области *Բողնիփոր*—*ბოლნისის ხეივანი* (Болнисского ущелья), резиденция же бдешхов находилась в Цуртаве. Болнисское ущелье являлось центральной областью Гугарского бдешхства (сапитиашхо); Дманис (*Դմանիս*—*დმანისი*) находился между областями *Բողնիփոր* и *Դուրշափոր* (Квешиское ущелье), но, очевидно, входил в состав последней области. Тбилиси и Крцаниси находились на пограничной полосе области *Պարուար* (Паруар)*, Манглиси же входил в область *Մանղղեաց փոր* (*მანგლღისის ხეივანი*—Манглисское ущелье). Все названные области, как свидетельствует «Армянская география VII века», входили в состав Гугарка. Можно считать установленным, что интересующее нас лингвистическое изменение имело место именно в дописьменный период. После IV в. обстоятельства существенно изменились, и возникновение этих форм, можно сказать, исключается. Сказанное подтверждается также местонахождением Тухарис-а и Олтис-а. Первый из них находился в Кларджии, на границе с Тайком (Тао), а Олтис—в самом Тайке. Кларджия вместе с Гугарком, девятой областью которого она являлась, в 387 г. вошла в состав Грузии, с тайком же это произошло в VIII веке.

ՀԱՅՑԱԿԱՆ ՀՈՒՈՎԱԶԵՎԵՐԸ ՈՒՂԱԿԱՆՈՒՄ ԸՍՏ ՀԱՅԱՍՏԱՆԻ ՏԵՂԱՆՈՒՆՆԵՐԻ ԸՆԶԵՌԱՆ ՆՅՈՒԹԻ

Պ. Մ. ՄՈՒՐԱԴՅԱՆ

Ա. մ. փ. ո. փ. ո. մ.

Տեղանունների լեզվաբանական ուսումնասիրությունը կարող է շոշափելի նպաստ բերել ոչ միայն լեզվի պատմության, այլ ևս բուն պատմության ու պատմական աշխարհադրության խնդիրներ քննելու: Առաջարկվող ուսումնասիրությունը նվիրված է իրրե ուղղական հանդես եկող հայցական հոլովածների արձանագրմանն ու դասդասմանը՝ հայ, վրաց և հունական մատենագրության ընձեռած սովյալների վկայակոչմամբ:

ա) Պատմական Հայաստանի հիսունից ավելի տեղանուն կրել է նշած փոխարացողումը: Տեղանունների հնչական ու կեղծ սառագրանական փոփո-

* Подробно см. С. Т. Еремян, ук. соч., стр. 45, 65, 77, 86—87, 90.

խությունների հետեանքով նրանց հայցական հոլովածներ երբեմն աղավաղվել է (նորադուղ, Ալափարս)։

բ) Որոշ դեպքերում աստիճանաբար չբացել է և հայցականի ցուցիչը։ Վրոց մատենագրության մեջ պահպանված անվանաձևերի օգնությամբ կարելի է վերականգնել առավել նախնական վիճակը. Բջնի < Բջնիս < Բրջնի[ս]՝ Բրգնիք։

գ) Հայոց տեղանունների նի-ս ||լի-ս|| ըի-ս հայցական վերջավորությունը իր հնչական զուգադիպությունն ունի վրացերենում -ոն-ո (Փաղիսի, Խերթվիս-ի, Ռուխ-ի, Մանգլիս-ի), որը այլևայլ ժագում ունի։

դ) Հունական, ասորական ու վրացական աղբյուրների ուսումնասիրությունը օգնում է հայցական-ուղղականի գործածության մոտավոր ժամանակագրությունը ճշտելուն։

ե) «Լեզվաբանական աշխարհագրության» շնորհիվ հնարավոր է դառնում քննության առնել որոշ գավառների պատմական ճակատագրի ու էթնիկական կազմի խնդիրը։

Պրոֆ. Հյուբշմանի և Գ. Ղափանցյանի առանձին կուսումներից հետո ներկա ուսումնասիրությունը խնդրիս համադիր ամբողջական քննության առաջին փորձն է, ուստի այն ներկայացվում է իրրև սկզբնական հարցադրում։